

Мамяченков В. Н. «Никто не желает помогать милиции»: борьба органов правопорядка с хулиганством и преступлениями против личности во второй половине 1940-х — начале 1950-х гг. (на материалах Свердловской области) / В. Н. Мамяченков // Научный диалог. — 2016. — № 10 (58). — С. 233—251.

Mamyachenkov, V. N. (2016). "Nobody Wants to Help the Police": Struggle of Law Enforcement with Bullying and Crimes against the Person in the Second Half of 1940s and early 1950s (on Materials of Sverdlovsk Region). *Nauchnyy dialog*, 10(58): 233-251. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

УДК 94 (470.54):351.84“1946/1952”

«Никто не желает помогать милиции»: борьба органов правопорядка с хулиганством и преступлениями против личности во второй половине 1940-х — начале 1950-х гг. (на материалах Свердловской области)

© Мамяченков Владимир Николаевич (2016), доктор исторических наук, доцент кафедры теории управления и инноваций, Институт государственного управления и предпринимательства, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина; профессор кафедры государственного и муниципального управления, Институт экономики, Уральский государственный экономический университет (Екатеринбург, Россия), mamyachenkov@mail.ru.

Статья посвящена интересной и мало исследованной в отечественной историографии теме — борьбе с хулиганством и уголовной преступностью на Среднем Урале в послевоенные годы. Исследование проведено на материалах нескольких архивов: архива Александра Яковлева, Государственного архива Свердловской области (ГАСО), текущего архива Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Свердловской области (ТОФГССО) и Центра документации общественных организаций Свердловской области (ЦДООСО). Научная новизна работы видится в том, что в оборот вводятся новые материалы, обнаруженные автором в указанных архивах. Декларируется, что преступность как социальное явление перманентно присутствовало в советском обществе на всем протяжении его истории, а Великая Отечественная война способствовала значительному ее росту. Приводятся цифровые и фактологические материалы, характеризующие уровень уголовной преступности на Среднем Урале в послевоенные годы. Дается представление о методах и формах борьбы правоохранительных органов с хулиганством и преступлениями против личности в масштабе всего бывшего СССР и в Свердловской области в конце 1940-х — начале 1950-х годов. Утверждается, что ее рост

в этот период был неизбежен и вызван вполне конкретными причинами, главными из которых были низкий уровень жизни и бытовой культуры большинства граждан.

Ключевые слова: хулиганство; преступления против личности; Свердловская область; правоохранительные органы.

1. Историография проблемы

Исследуемая нами в данной статье тема, как ни странно, довольно мало разработана не только историками и социологами, но даже юристами. О причинах такого невнимания к прошлому нашей страны можно только гадать, но, как нам представляется, одной из таковых была недоступность (вплоть до 1990-х гг.) соответствующих архивных материалов.

В советский период все публикации на тему борьбы с преступностью были идеологически стерильны, насыщены всеми возможными догматами официальной политики КПСС в отношении искоренения этого сложного социального явления, носили весьма общий характер и были посвящены, как правило, только причинам наличия преступности в социалистическом обществе. Примерами таких работ могут служить статьи известного деятеля советской милиции и криминологии, бывшего в 1969—1979 гг. начальником Главного управления уголовного розыска МВД СССР, генерал-лейтенанта И. И. Карпеца [Карпец, 1966] и видного советского криминолога А. Б. Сахарова [Сахаров, 1976].

Лишь в 1990-е гг. и уже в нашем веке начинают выходить в свет работы, посвященные интересующему нас периоду. В них уделялось внимание различным аспектам истории советских правоохранительных органов СССР и их борьбе с преступностью [Бурде, 2000; Иванов, 1995], в том числе в региональном разрезе [Жаркой, 1995; Мамяченков, 2016; Сизов]. В это же время некоторые авторы пытались выявить причины высокого уровня преступности в послевоенные и последующие годы [Зима, 1996; Мамяченков, 2011]. Следует также отметить и некоторые диссертации, посвященные исследуемой нами проблеме [Жаркой, 1995; Самарин, 2001], в том числе на материалах Уральского региона [Беркутов, 2004].

Тем не менее можно констатировать довольно скудную историографию данной темы применительно к Уралу и Свердловской области. Предлагаемое исследование, как мы надеемся, послужит началом ее серьезной разработки.

2. Оперативная обстановка на Среднем Урале в первые послевоенные годы

Все годы Советской власти проблема охраны правопорядка на Среднем Урале не сходила с повестки дня его руководителей. Главной причиной

тому был «уголовно-ссыльно-поселенческий» статус края: начиная с 1930-х гг. здесь, одно за другим, появлялись различные исправительно-трудовые учреждения и колонии для ссыльнопоселенцев. Кроме того, многим из уже отбывших свой срок наказания просто некуда было возвращаться. Этот процесс продолжался и в военные, и в послевоенные годы, что никак не способствовало снижению уровня преступности в регионе.

В связи с этим Свердловский обком партии сообщал секретным письмом № 706С от 25 августа 1949 года секретарю ЦК КПСС Г. М. Маленкову: «В Свердловской области проживает значительное число лиц, ранее судимых, репатриантов, спецпереселенцев и высланных в свое время из различных городов Союза. Из имеющихся лагерей и колоний МВД ежедневно освобождается до 100 чел. заключенных, из которых большая часть оседает в Свердловской области» [ЦДООСО, Ф 4. Оп. 45. Д. 192. Л. 178]. Ветеран войны Е. Ф. Окишев, бывший в то время следователем районной прокуратуры, вспоминал: «К тому же у меня на родине находится очень много лагерей, а значит, и побег, преступления. Поэтому у нас оружие считалось предметом первой необходимости [Драбкин, с. 192].

Высокий уровень преступности наблюдался прежде всего на севере региона: в городах Ивделе, Карпинске, Краснотурьинске. Например, в Карпинске: только за 4-й квартал 1946 года было задержано 77 преступников. Несмотря на это в первом квартале 1947 года количество преступлений в городе возросло на 21 %, в том числе краж — на 17 %. Причиной такого роста преступности милицейские начальники Карпинска считали «...завоз нового контингента лиц досрочно освободившихся, прибытие которых началось с 20 февраля по 5 апреля. 75 % совершенных уголовных преступлений за этот период падает на этот контингент» [ЦДООСО, ф. 4, оп. 43, д. 149, л. 2—3]. Такое положение практически не менялось и в последующие годы. Так, в 1951 году из 51 тыс. чел. населения Карпинска местных жителей насчитывалось только 25 %, а остальные 75 % составляли так называемые «вербованные» рабочие, из которых 30 % в прошлом имели судимости [ЦДООСО, ф. 4, оп. 50, д. 114, л. 19].

Многие милицейские начальники видели выход в увеличении штатов милиции. Поэтому, например, начальник Карпинского ГО МВД просил областное милицейское начальство: «Необходимо личный штат городского отдела увеличить. Это вызывается введением в эксплуатацию новых разрезов, расширением нашего города и *завозом контингента*» (выделено нами. — В. М.) [ЦДООСО, ф. 4, оп. 43, д. 149, л. 5]. В унисон ему один из начальников милиции г. Краснотурьинска Раздьяконов обращался к руководству области: «Прошу на Волчанке создать поселковое отделение

милиции, там столько преступников, что шапку брось, то обязательно попадешь в вора, а людей там до 13 тыс. человек» [ЦДООСО, ф. 4, оп. 43, д. 149, л. 14].

Немногом лучше обстояло дело в крупнейших городах области — Нижнем Тагиле и Свердловске, где примеров послевоенного разгула преступности можно привести достаточно много. Так, в Нижнем Тагиле только за 1-й квартал 1947 года было возбуждено 445 уголовных дел [ЦДООСО, ф. 4, оп. 43, д. 149, л. 44]. В Свердловске же, например, в июне 1949 года была обезврежена банда хулиганов и насильников, терроризировавшая жителей областного центра в течение двух лет. Органы милиции, как это часто бывало, долгое время не реагировали на обращения жильцов дома № 5 по улице Февральской Революции (где проживали несколько участников банды) — они «взялись» за нее только после того, как преступники в январе и апреле 1949 года совершили два циничных и вызывающе наглых изнасилования, в том числе одной ученицы 7-го класса [ЦДООСО, ф. 4, оп. 45, д. 206, л. 33].

Кстати, в послевоенные годы резко возросло и число сексуальных преступлений. По этому поводу прокурор Н. Яцковский в том же августе 1949 года сообщал первому секретарю обкома партии В. И. Недосекину: «Из посягательств на личность обращают на себя внимание все непрекращающиеся факты изнасилования, в том числе и групповые, несмотря на то, что Указом ПВС СССР от 4 января 1949 года уголовная ответственность [за них] повышена. Участниками этих преступлений является также преимущественно молодежь. Из 50 насильников, привлеченных к уголовной ответственности, 25 чел. в возрасте до 20 лет (из них 6 чел. не достигли совершеннолетия), 8 чел. до 25-летнего возраста. Среди привлеченных есть и члены ВЛКСМ. <...> Случаи растления малолетних довольно часты». Далее прокурор привел примеры целого ряда таких преступлений [ЦДООСО, ф. 4, оп. 45, д. 206, л. 33—34].

И все это происходило несмотря на то, что наказания за совершенные преступления было нередко очень жесткими, даже в начале 1950-х гг., когда давно уже не действовали законы военного времени. Например, некто М. И. Савченко, житель рабочего района Эльмаш, 1927 г.р., член ВЛКСМ, в августе 1952 года был осужден на 15 лет лишения свободы за то, что в ночь на 3 июля того же года на улице Луначарского ограбил гражданку Истомину, отняв у нее наручные часы. В том же июле 1952 года уже в самом поселке Эльмаш некие В. Е. Моисеев и Л. И. Митрошин, оба 1931 г.р., члены ВЛКСМ, рабочие завода им. Калинина, ограбили гражданина Кириллова, отняв у него 600 руб., за что получили по 20 лет (!) лишения сво-

боды каждый [ЦДООСО, ф. 4, оп. 50, д. 114, л. 77]. Как следует из справки ГУЛага в административный отдел ЦК ВКП(б), на сентябрь 1950 года в исправительно-трудовых лагерях Советского Союза отбывали наказание 50 947 малолетних преступников в возрасте до 18 лет, из которых 1494 были осуждены на сроки более 10 лет [Архив...].

Помимо всех прочих причин, послевоенный рост преступности был вызван еще и тем, что многие подростки остались без отцов, а некоторые и вовсе лишились родителей. В результате в стране в послевоенные годы быстрыми темпами росло хулиганство, что хорошо видно и на примере Свердловской области. Так, за первое полугодие 1948 года на Среднем Урале за хулиганство было осуждено 859, за второе — 1136, а за первое полугодие 1949 года — уже 1809 чел., то есть за год рост этого вида преступлений составил 110 %. При этом, естественно, центром хулиганства был Свердловск, где оно составляло около 17 % всех правонарушений. Другими «эпицентрами» хулиганства были Нижний Тагил, Первоуральск, Полевской, Каменск-Уральский, Краснотурьинск, Карпинск, Кировград и другие (практически все) города области [ЦДООСО, ф. 4, оп. 45, д. 206, л. 31].

В последующие годы существенного снижения уровня хулиганства не произошло. Например, в докладной записке начальника Управления милиции г. Свердловска В. Шашкина говорилось, что за хулиганские действия за 9 месяцев 1952 года в городе было возбуждено 634 уголовных дела и привлечен к ответственности 741 человек (из них 6 были членами партии и 42 состояли в комсомоле). Помимо хулиганов, 5719 человек привлекались к административной ответственности за различные нарушения общественного порядка. При этом отмечалось, что наибольшее количество преступников были совсем молодыми людьми в возрасте 18—25 лет [ЦДООСО, ф. 4, оп. 50, д. 114, л. 71, 77].

Возникает вполне естественный вопрос: а где же была милиция, как она противодействовала росту преступности? Надо сказать, что информация о работе свердловской милиции в первые послевоенные годы достаточно противоречива. Так, с одной стороны, раскрываемость преступлений, если судить по официальным милицейским отчетам, была достаточно высокой. Например, в Тавде в 4-м квартале 1946 года было раскрыто 68 совершенных преступлений из 79 (86 %), а в 1-м квартале 1947-го — 60 из 76 (79 %). За те же периоды времени по Каменск-Уральскому было раскрыто соответственно 58 преступлений из 81 (72 %) и 70 из 94 (74 %) [ЦДООСО, ф. 4, оп. 43, д. 149, л. 31, 45].

Не стала хуже (опять же, если верить милицейской статистике) раскрываемость преступлений и в начале 1950-х гг. Так, главный милицей-

ский начальник области генерал-майор В. И. Галкин в своем докладе, посвященном служебной дисциплине в рядах свердловской милиции, крайне самокритично отмечал: «Общая раскрываемость преступлений в IV квартале 1950 г. составила 86,3 % против 88,0 % в III квартале 1950 г. <...> Низкие показатели служебно-оперативной работы объясняются тем, что в значительной части горрайонов милиции коммунисты и комсомолцы <...> работают без достаточного напряжения» [ЦДООСО, ф. 4, оп. 49, д. 131, л. 3]. В качестве комментария к процитированному можно сказать, что в наши дни полицейские Среднего Урала о таких показателях раскрываемости могут только мечтать.

Но в то же время многие другие факты и цифры свидетельствуют о целом ряде проблем в деятельности послевоенной милиции, что вызывает недоверие к чрезвычайно высоким цифрам результатов ее деятельности [Мамяченков, 2016]. Так, в Ирбитском ГОМ только за январь 1946 года поступило 20 заявлений от граждан, по которым вообще не было принято никаких мер. Автор одного из таких заявлений, гражданка Бибикова, обращалась по поводу кражи ее личных вещей и, не видя никакого проявления внимания со стороны милиции, вынуждена была идти в прокуратуру. Не реагировали ирбитские милиционеры даже на донесения своих же «добровольных помощников». Например, в ГОМ поступило анонимное заявление о хищении керосина одним гражданином, который якобы хранил краденое у себя на квартире и готовился переправить его в деревню. Но и это сообщение также было оставлено безо всякого внимания [ЦДООСО, ф. 4, оп. 43, д. 149, л. 23, 25].

Даже спустя пять лет, в январе 1951 года, генерал В. И. Галкин признавал, что «несмотря на проводимые мероприятия по укреплению политикоморального состояния и служебной дисциплины <...> положительных результатов в этой области мы не добились». А в доказательство здесь же привел ряд вопиющих примеров нарушения его подчиненными служебной дисциплины. Например, командир отделения Ново-Лялинского РОМ старшина Таскин распивал спиртное даже во время проверки им постов в Госбанке, а во время конвоирования некоего Беляева он просто зашел с арестованным на его квартиру и там пьянствовал. Но впечатляет даже не это, а то, что после всех совершенных проступков Таскин отделался всего лишь дисциплинарным взысканием [ЦДООСО, Ф. 4. Оп. 49. Д. 131. Л. 3—4].

Хотя, конечно, нельзя не сказать и того, что были и другие милиционеры, честно и самоотверженно выполнявшие свой служебный долг. Судя по сохранившимся архивным материалам, в Карпинске в первые послевоенные годы успешно работал оперуполномоченный Дудин, а в Тавде оперуполномоченный Ульянов в 1946 году разоблачил банду грабителей и убийц [ЦДО-

ОСО, ф. 4, оп. 43, д. 149, л. 4, 46]. Время от времени происходили трагические случаи гибели милиционеров в схватках с нарушителями закона: в 1947 году при задержании вооруженного преступника погиб старшина Петр Боярских, в 1949 году при задержании вооруженных бандитов — младший лейтенант милиции Иван Кукарских [Все о преступности...]

Другой основной причиной относительно высокого уровня преступности на Среднем Урале было пьянство [Мамяченков, 2011]. В докладной записке начальника свердловской милиции об этом говорилось буквально так: «За 9 мес. 1952 г. в Свердловске было подобрано <...> в состоянии сильного опьянения 7179 чел. Это те, которые не могли двигаться и валялись на улицах. <...> Нарушения этих лиц также во всех почти случаях были связаны с появлением в пьяном виде в общественных местах, на улицах». При этом надо отдать должное свердловской милиции тех лет: многих других пьяных (то есть способных еще стоять на ногах) она доставляла прямо... домой по той простой причине, что пропускная способность единственного в городе вытрезвителя составляла не более 20 чел. в сутки [ЦДООСО, ф. 4, оп. 50, д. 114, л. 77—78].

Будучи не в силах справиться с преступностью силами только правоохранительных органов, власти стремились хотя бы часть этой работы сложить на население. По этому поводу секретарь Свердловского обкома ВКП(б) по кадрам Н. М. Кокосов 10 апреля 1947 года на совещании партторгов МВД и милиции заявил: «Помимо того, что нужно улучшать работу, нужно поставить вопрос о работе с общественностью, привлечь общественность на помощь органам милиции, нужно в помощь милиции включить (видимо, имелось в виду — «поручить». — *В. М.*) горкомам, райкомам партии, парторганизации, профсоюзной организации вовлечь в борьбу с преступностью широкие массы трудящихся» [ЦДООСО, ф. 4, оп. 43, д. 149, л. 107].

Но дело-то как раз и было в том, что «широкие массы трудящихся» вовсе не собирались бороться с преступностью — им вполне хватало своих насущных проблем. Это подтверждают и слова Хомутова, одного из начальников милиции г. Верхняя Салда, который, обращаясь к вышестоящему руководству, заявил: «Я бы просил областной комитет партии воздействовать на горком (Верхне-Салдинский. — *В. М.*), чтобы горком партии заставил горком комсомола выделить комсомольский актив в члены бригады, которых самим лично привлечь трудно, потому что народ не хочет, и сам секретарь горкома комсомола заявил, что никто не желает помогать милиции» [ЦДООСО, ф. 4, оп. 43, д. 149, л. 19].

Комментарии тут, как говорят, излишни...

3. Рабочие общежития: зона повышенной опасности

По поводу роста хулиганских проявлений прокурор области Н. Яцковский в августе 1949 года сообщал в обком партии: «Подавляющее большинство участников хулиганств — молодежь <...> Непременным спутником и причиной хулиганств является пьянство, часто приурочиваемое к юбилейным праздникам и дням отдыха <...> Бараки и общежития (особенно женские) стали тем местом, где наиболее часто хулиганы дебоширят, терроризируя жителей и мешая их отдыху. Подобные факты имели место в общежитиях УЗТМ, ВИЗа, завода № 356, им. Воровского, типографии “Уральский рабочий” и др. <...> Неудивительно поэтому, что в общежитии завода им. Воровского был целый ряд разнообразных ЧП: хулиганство, самоубийство, изнасилование» [ЦДООСО, ф. 4, оп. 45, д. 206, л. 32].

Причины такого положения дел многим виделись в отсутствии внимания к молодежи и ее досугу. Об этом говорил, например, секретарь парторганизации Верхне-Салдинского ГОВД: «Рабочие, бывшие интернатчики, детдомовцы <...> отданы на откуп администрации, бытом их никто не занимается, около 100 чел. в общежитии живет, и никто к ним не заглядывает. Такое <...> не только эту молодежь заставит пойти на преступление, а любого человека при таких условиях <...> Раз не создано условий рабочему классу, в особенности молодежи, которая и воспитывалась в разных местах, часть из них была несколько раз судима, они не терпят такого положения и начинают заниматься кражами» [ЦДООСО, ф. 4, оп. 43, д. 149, л. 17—18].

Действительно, нередко отношение администрации предприятий к молодым рабочим было абсолютно равнодушным. В ЦДООСО мы нашли очень трогательное письмо, написанное в 1946 году молодыми работницами одного из заводов Свердловской области в обком ВКП(б):

«Уважаемые товарищи! С комсомольским приветом к вам молодые работницы завода № 18, где директором товарищ Вейланд В. В.

Мы, молодые работницы, выпущенные из Р.У. [Ремесленное училище. — В. М.] в октябре 1945 года. Проживаем мы в общежитии завода. В общежитии развлечений нет никаких. Постельная принадлежность меняется очень редко. К примеру взять, сменяли нам белье 28 апреля и по сее время, т.е. 3 июня, белье еще не сменили. Время свободное проводим однообразно. Отработаем 8—10 часов, придем с работы, заняться совершенно нечем, посидим и ложимся спать.

Насчет питания очень плохо. В Р.У. мы питались три раза, а теперь с трехразового питания перешли на односуточное, т.е. в 12 часов дня, во время обеденного перерыва. Первое время нам выдавали второе горячее

питание, а сейчас в настоящий момент перестали выдавать и думают, что мы в нем не нуждаемся.

Со стороны родителей помощи не имеем, мы бывшие воспитанники детдома. Заработок, который мы получаем, слишком мал, нам его не хватает на питание, а уж чтобы одеться, даже нет разговору. Бирки на промтовары, которые поступают на завод, мы никогда не получаем. Несмотря на все эти трудности, мы подписались на полуторамесячный заработок на государственный заем.

Заводской комитет, комсомольская организация и партийная организация на это никакого внимания не обращают. Помощи от заводского комитета нет никакой, не смотря на то, что мы все по 3, по 4 года в профсоюзе. Просим обратить на это внимание» [ЦДООСО, ф. 4, оп. 41, д. 148, л. 59] (сохранен стиль источника).

Неудивительно, что рабочие общежития нередко играли роль рассадников преступности — представители мужской их части, в отличие от терпеливых девушек, нередко в поисках денег и необходимых товаров становились на путь совершения преступлений, иногда тяжких. Например, в Каменск-Уральском рабочие, проживавшие в общежитии шамотного завода, создали банду и совершили убийство одного из работников завода, а также предприняли попытку ограбления инкассатора. На следствии вскрылись, помимо прочего, и отвратительные бытовые условия проживавших в общежитии рабочих: в нем даже не было воды, а постельное белье тоже менялось от случая к случаю [ЦДООСО, ф. 4, оп. 43, д. 149, л. 32].

Власти, как всегда, желали решить проблему обеспечения в общежитиях правопорядка за счет там же и проживающих граждан, действуя по принципу «Спасение утопающих — дело рук самих утопающих». С этой целью в 1951 году городской комитет партии Карпинска обязал партийные, комсомольские и профсоюзные организации всех городских предприятий создать в местах массового проживания работников так называемые Советы общежитий. Эти Советы, помимо всего прочего, наделялись правом ходатайствовать перед администрацией предприятия о выселении из общежития злостных нарушителей общественного порядка. По примеру Карпинска и под давлением обкома партии такие Советы были созданы в общежитиях других городов Свердловской области [ЦДООСО, ф. 4, оп. 50, д. 114, л. 59—60].

Уже до конца 1951 года, если верить милицейской отчетности, Советы функционировали в 356 общежитиях. Начальник Управления милиции по Свердловской области В. И. Галкин в своей справке в обком партии высоко оценил эту «новую форму профилактической работы, проводимой

в общежитиях». По его мнению, создание Советов прямо способствовало значительному снижению уровня правонарушений в общежитиях. В доказательство он привел следующие цифры: в Каменск-Уральском хулиганство и нарушения общественного порядка среди молодежи, проживающей в общежитиях, в 1951 году по сравнению с 1950-м, якобы, снизилось на 64, в Первоуральске — на 19, в Серове — на 16 %. В целом же в Каменск-Уральском после создания Советов общежитий количество хулиганских проявлений снизилось на 44, а нарушений общественного порядка — на 43 % [ЦДООСО, ф. 4, оп. 50, д. 114, л. 59, 61—62].

Уровень и характер мышления тогдашнего областного милицейского начальника характеризует один интересный момент: генерал Галкин положительно оценил и опыт работы Совета общежития транспортного управления Лапчинского вскрышного разреза г. Карпинска. Данный же «опыт» состоял, в частности, и в том, что «за систематическое пьянство в общежитии, нарушение правил внутреннего распорядка, неподчинение и проявленную грубость с жильцами» Совет ходатайствовал перед администрацией предприятия о переселении некоего Зеленина «в менее благоустроенное общежитие». Это ходатайство было удовлетворено, и гражданин Зеленин, надо полагать, не менее успешно отравлял жизнь обитателям уже другого, менее «элитного», общежития. Тем не менее высокий милицейский начальник сделал вывод о том, что Советы общежитий «играют исключительно важную роль в деле наведения порядка по месту жительства рабочей молодежи» [ЦДООСО, ф. 4, оп. 50, д. 114, л. 60, 62].

4. Кого власть боялась больше, чем уголовников

Но была категория нарушителей закона, которую власть предрекшие боялись больше любых убийц и насильников — это лица, обвиненные в так называемых «контрреволюционных» преступлениях. В ЦДООСО нам удалось обнаружить весьма интересный документ — рассекреченную справку Свердловского областного суда в обком ВКП(б) № С-6/295 от 25 октября 1949 года под названием «О выполнении решения бюро Обкома ВКП(б) от 24.V—1949 г. “О неправильной судебной практике работников Облсуда по делам о контрреволюционных преступлениях”».

Данный документ подписал тогдашний председатель Свердловского областного суда И. И. Герасимович, который «всеподданнейше» доносил первому секретарю Свердловского обкома правящей партии В. И. Недосекину:

«Сообщаю, что решение бюро обкома ВКП(б) Областным Судом выполнено. <...> Мною лично рассматривается дел о государственных пре-

ступлениях более 50 %. Все дела, поступающие в Облсуд, в подготовительном заседании слушаются только под моим председательством. Все дела рассматриваются до 20-ти дневного срока с момента их поступления в Облсуд.

Меры наказания, применяемые Областным Судом в отношении лиц, совершивших государственные преступления, значительно усилены. Так, из числа осужденных во 2-м квартале за государственные преступления — 14 чел. было подвергнуто к 25 г. заключения — 5 чел., к 10 годам заключения 8 человек и лишь 1 человек к 8 годам заключения. В третьем квартале с.г. из 39 человек осужденных было подвергнуто: к 10 г. заключения — 30 человек, к 25 г. заключения — 9 человек.

Все приговоры Областного Суда как во втором, так и в третьем квартале с.г. Верховным Судом РСФСР оставлены в силе на 100 % и никаких замечаний со стороны Верховного Суда в адрес Областного Суда по этим делам не поступало.

<...> По итогам работы за 2-й квартал мною проведено закрытое совещание с работниками МГБ и Прокуратурой. В настоящее время обобщена практика по делам о государственных преступлениях за 3-й квартал с.г. и в ближайшее время этот вопрос будет поставлен на обсуждение с участием работников МГБ и Прокуратуры».

На лицевой странице записки остались две надписи. Первая принадлежит Недосекину, который неграмотно начертил: «т. Иосипенко. Разъясните чтобы не упустил». Вторую же сделал сам начальник административного отдела обкома И. Ф. Иосипенко: «т. Герасимовичу разъяснено указание т. Недосекина» [ЦДООСО, ф. 4, оп. 45, д. 206, л. 72].

Из записки совершенно очевидно следует, что судебная власть в СССР никогда не была самостоятельной ветвью власти — она полностью и безоговорочно подчинялась власти партийной. В данном случае так и произошло: бюро обкома партии проявило недовольство слишком мягкими, по его мнению, приговорами «контрреволюционерам». Партийное начальство потребовало от Облсуда усиления карательных санкций, что тот немедленно и беспрекословно выполнил. При этом обращает на себя внимание почтительно-угоднический тон записки, из которого ясно, что отношения председателя суда с обкомом партии строились по принципу «Чего изволите?» В целом процитированная нами справка неопровержимо свидетельствует и о марионеточном характере сталинского правосудия, и о его неоправданной жестокости.

Интересно, кстати, проследить биографии тех, кто безжалостно преследовал советских диссидентов («контрреволюционеров») в далекие уже

от нас годы. Так, В. И. Недосекин (1908—1976 гг.) сделал неплохую партийно-советскую карьеру. После руководства Свердловской областью он отправился на аналогичный пост в Тульскую. Правда, там он быстро показал свою некомпетентность и в ноябре 1953 года был освобождён от должности первого секретаря Тульского обкома КПСС «за ряд грубых ошибок в работе, особенно в руководстве сельским хозяйством», а также выведен из состава ЦК КПСС. Последние годы жизни работал заместителем председателя Смоленского облисполкома до выхода на почетную персональную пенсию в 1969 году. Награжден несколькими орденами СССР, в том числе дважды — орденом Ленина, высшей наградой страны. Похоронен в престижном месте привилегированного Братского кладбища г. Смоленска [Недосекин...]. У И. И. Герасимовича, судя по всему, его юридическая карьера тоже развивалась весьма успешно. Во всяком случае в 1953 году он уже был в ранге заместителя министра юстиции РСФСР [Center...].

5. О судьях

Принято считать, что любое общество предъявляет к судьям особо высокие требования в плане образования, житейской мудрости и опыта. Даже тоталитарное государство со его псевдodemократическими институтами, каковым был Советский Союз. Но если ознакомиться с качественным составом народных судей Свердловской области, «всенародно» избранных 30 января 1949 года, то обнаружится интересная картина.

В указанный день во все 150 народных судов области было выбрано ровно столько же судей, 80 мужчин и 70 женщин. При этом 119 из избранных уже работали в качестве судей. Конечно же, абсолютное большинство избранных были членами правящей партии — 124 и ВЛКСМ — 12 чел. По социальному положению это были в основном служащие — 126, а также рабочие — 18 и крестьяне — 6 чел. При этом судейский корпус был удивительно однообразен по национальному составу: русские составляли 143, украинцы и евреи — по 3 и белорусы — 1 чел. [ЦДООСО, ф. 4, оп. 45, д. 192, л. 173—174].

Но еще большее удивление вызывают два других параметра судейского сообщества: возраст и образовательный уровень. Среди вновь избранных в 1949 году судей абсолютное большинство составляли совсем еще молодые люди в возрасте от 23 до 30 лет — таковых насчитывалось 90 чел., то есть ровно 60 %. Людей же старше 50-ти, то есть имеющих большой жизненный и профессиональный опыт почти не было — всего 5 чел. Еще 36 судей имели возраст от 31 до 40 лет и 19 — от 41 до 50. К тому же эти люди были еще и недостаточно юридически грамотны: достаточно сказать,

что высшее юридическое образование из всех 150 судей имели только 26. Все остальные не имели высшего образования (ни юридического, ни какого-либо другого). Основная же масса — 109 чел. — имели среднее образование (видимо, имелось в виду среднее специальное), в том числе 94 — юридическое. Из оставшихся 18 «окончили юридические курсы», а 15 (то есть каждый десятый судья) вообще имели «низшее» образование, то есть были, в полном смысле слова, малограмотными людьми [ЦДОСО, ф. 4, оп. 45, д. 192, л. 173—174].

Из приведенных цифр становится совершенно очевидно, что советское государство делало ставку на молодых, мало еще знающих жизнь и свою работу людей, недостаточно профессионально подготовленных, но зато уже повязанных членством в правящей партии. В результате такой кадровой политики властей «телефонное право» стало неотъемлемым «родимым пятном» советской юриспруденции на все годы ее существования.

То, что система отбора судей в Советском Союзе была крайне несовершенна, подтверждалось периодическими и повсеместными случаями освобождения их от работы за неблагоприятные поступки. Например, только в течение 1946 года за дискредитацию своей должности в Свердловской области было уволено 6 судей (4 % от их общей численности). При изучении списка уволенных сразу бросается в глаза тот факт, что никто из них не имел высшего юридического образования. При этом одна из судей — народный судья 3-го участка г. Ревды (ее фамилии в архивных материалах почему-то нет) — вообще не имела никакой юридической подготовки. Неудивительно, что она была уволена за подделку служебных документов и злоупотребление служебным положением. И тем не менее и она, и все эти люди исполняли обязанности судей, пока не были освобождены от работы. За что же были уволены остальные пятеро?

— Ладейщикова Е. Е. (г. Верхняя Салда) — за грубое отношение «к местным организациям»;

— Новожилова Е. А. (1-й участок Ленинского района г. Нижнего Тагила) — за получение взятки;

— Сыропятова А. Л. (Покровский район) — за бытовое разложение, в том числе — за воровку (!) на картах;

— Шанауров И. Д. (1-й участок г. Ирбита) — за незаконные денежные операции;

— Ширякин П. А. (1-й участок Шалинского района) — за систематические поборы в колхозах [ЦДОСО, ф. 4, оп. 43, д. 171, л. 18].

Как свидетельствуют архивные материалы, подобные случаи досрочного увольнения судей регулярно происходили и в последующие годы.

Например, уже в 1948 году за порочащие их поступки были сняты с работы народные судьи Котиков (Шалинский район) и Пешков (Верхне-Синячихинский район). Но проступок проступку рознь: судьи Тихомиров (Зайковский район) и Быков (Арамильский район) были уволены, например, за то, что они... периодически пьянствовали вместе с подсудимыми. И, надо сказать, что такое поведение служителей советской Фемиды, увы, не было редкостью: в аналогичных проступках были уличены также народные судьи Лежнев и Шорин из Дзержинского района г. Нижнего Тагила. Но их в отличие от Быкова и Тихомирова не уволили, а просто не выдвинули кандидатами на следующих выборах судей — советская партийно-бюрократическая система берегла «своих» людей. По этому поводу один из руководителей прокуратуры Свердловской области в январе 1949 года в секретном письме в обком партии отмечал, что у прокуратуры имеются «серьезные замечания к ряду других судей» (и, кстати, сообщал их фамилии) [ЦДООСО, ф. 4, оп. 45, д. 206, л. 23—24].

6. Заключение

Повышение уровня преступности в послевоенный период — дело, в общем-то, естественное для абсолютного большинства стран. Но для многих граждан Советского Союза, большинство из которых и в мирное время жили довольно бедно, послевоенная разруха в экономике означала скатывание на самое дно, в беспросветную нищету. Это неизбежно толкало многих из них на преступления: в лучшем случае — на экономические, а в худшем — на тяжкие преступления против личности. Поэтому послевоенный всплеск преступности объясняется прежде всего резким ухудшением материальных условий жизни населения.

По представленной ниже таблице видно, каким тяжелым оказалось для населения Свердловской области первое послевоенное десятилетие. Достаточно сказать, что довоенный уровень потребления (и без того очень низкий) таких продуктов, как мясо, кондитерские изделия, фрукты и ягоды, был стабильно превзойден только в 1950 году, овощи и бахчевые — в 1953 году, а яйца — только в 1954 году. Что же касается потребления хлеба и картофеля, то физиологические нормы потребления этих продуктов были достигнуты только к началу 1980-х гг. Напомним, что современная диетология рекомендует поддерживать среднестатистическое потребление хлеба и картофеля на уровне не более 100 кг в год [Министерство...].

Кроме того, особенность Свердловской области, помимо всего прочего, состояла в том, что здесь наблюдалась повышенная концентрация осужденных-рецидивистов и граждан, склонных к совершению преступ-

Таблица

Среднедушевое потребление продуктов питания в семьях рабочих промышленных предприятий Свердловской области в 1946—1955 гг., кг

Годы	Наименование продуктов											
	хлебпродукты	мука и хлеб (в пересчете на муку)	картофель	овощи и бахчевые	фрукты и ягоды све- жие (кроме винограда и консервов)	фрукты и ягоды сушеные	сахар	кондитерские изделия (включая мед)	мясопродукты	рыбопродукты	молокопродукты	яйца, <i>шт.</i>
1940*	140	–	87	28	4,1		6,4	7,4	14	7,8	63	60
1946	228	–	274	39	1,0	0,2	3,9	1,8	11	7,1	108	8
1947	206	–	250	29	1,2	0,4	3,5	2,5	9,6	9,0	86	5
1948	296	–	217	27	1,9	0,6	10	5,6	8,3	7,9	86	7
1949	264	–	237	25	2,1	0,9	11	7,1	12	7,8	90	15
1950	272	–	180	23	2,6	1,8	13	8,3	18	7,4	83	25
1951	259	–	178	27	3,1	н/св	16	н/св	19	8,2	84	35
1952	–	163	138	29	5,1	2,7	22	8,0	29	11	195	43
1953	–	150	128	39	4,9	1,4	22	8,8	39	10	239	60
1954	–	143	118	59	6,6	1,3	23	10	36	12	241	77
1955	–	139	147	57	8,1	1,4	23	11	40	13	246	91

* Для справки.

Источники: ГАСО. Ф.Р 1813. Оп. 1. Д. 227. Л. 84; Оп. 14. Д. 2. Л. 2; Д. 216. Л. 19; Д. 354. Л. 24; Д. 568. Л. 14, 20, 30; Д. 824. Л. 3—4, 72—73, 143—143, 212—213; Д. 825. Л. 1—2, 73—74, 143—144, 213—214; Д. 826. Л. 3—4, 74—75, 171—172, 213—214; Д. 2789. Л. 9—10, 34, 82; Динамические ряды ТОФСГС по рабочим промышленности 1952—1968 гг. Л. 21—24 (расчеты автора).

плений. Происходило это вследствие как значительного количества находящихся на ее территории исправительно-трудовых учреждений, так и сложившейся в советские годы порочной традиции рассматривать Урал как место ссылки за различные нарушения закона.

Наконец, росту уголовной преступности прямо способствовал низкий уровень культуры большинства населения и, как следствие этого, распространенность такого отвратительного явления, как пьянство. При этом советское государство довольно снисходительно воспринимало данное

явление, считая его меньшим злом, чем, например, рост протестных настроений среди граждан.

Что касается форм и методов борьбы с уголовной преступностью, то безусловный приоритет здесь отдавался исключительно карательной политике — на системную профилактическую работу у правоохранительных органов просто не было сил и средств. В силу данного обстоятельства государство постоянно проводило работу по привлечению в сферу борьбы с преступностью широких масс граждан. В конечном итоге все эти меры приносили некоторый ограниченный эффект, но коренным образом повлиять на уровень преступности не могли.

Источники

1. *Архив* Александра Н. Яковлева [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <http://www.alexanderyakovlev.org/fond/issues-doc/1009310>
2. ГАСО — *Государственный архив* Свердловской области. Ф.Р 1813 (Областутуправление). Оп. 1. Д. 227. Л. 84; Оп. 14. Д. 2. Л. 2; Д. 216. Л. 19; Д. 354. Л. 24; Д. 568. Л. 14, 20, 30; Д. 824. Л. 3—4, 72—73, 143—143, 212—213; Д. 825. Л. 1—2, 73—74, 143—144, 213—214; Д. 826. Л. 3—4, 74—75, 171—172, 213—214; Д. 2789. Л. 9—10, 34, 82.
3. *Текущий архив* Территориального органа Федеральной службы государственной статистики (ТОФГСССО). Динамические ряды по рабочим промышленности 1952—1968 гг. Л. 21—24.
4. ЦДООСО — *Центр* документации общественных организаций Свердловской области. Ф. 4 (Обком КПСС). Ф. 4. ЦДООСО, Оп. 43. Д. 149. Л. 2—5, 14, 19, 23, 25, 31, 44—46, 107; Д. 171. Л. 18; Оп. 45. Д. 192. Л. 173—174, 178; Д. 206. Л. 23—24, 31—34, 72; Оп. 49. Д. 131. Л. 3—4; Д. 149. Л. 107; Оп. 50. Д. 114. Л. 19, 59—62, 71, 77—78, 86—90.

Литература

1. *Беркутов А. С.* Борьба с уголовной преступностью в Молотовской области в послевоенные годы : 1945—1953 гг. : диссертация ... кандидата юридических наук / А. С. Беркутов. — Пермь, 2004. — 255 с.
2. *Бурде Д.* Борьба с бандитизмом в СССР в 1944—1953 гг. / Д. Бурде // Социальная история. Ежегодник. — Москва : ИРИ РАН, 2000. — С. 169—190.
3. *Все о преступности и криминале* [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <http://all-crime.ru/urals-crimes/mu-protiv-militia.htm>.
4. *Драбкин А. В.* На войне, как на войне / А. В. Драбкин. — Москва : Яуза-Эксмо, 2013. — 672 с.
5. *Жаркой М. Э.* Милиция Ленинграда в послевоенный период (1945—1956 гг.). Исторические уроки организации и деятельности : диссертация ... кандидата исторических наук / М. Э. Жаркой. — Санкт-Петербург, 1995. — 199 с.

6. Зима В. Ф. Голод в СССР 1946—1947 гг. : происхождение и последствия / В. Ф. Зима. — Москва : ИРИ РАН, 1996. — 266 с.
7. Иванов В. А. Кадровое обеспечение советской карательной политики 30—50-е гг.: сущность и последствия / В. А. Иванов // Государство и право. — 1995. — № 2. — С. 143—144.
8. Карпец И. И. О природе и причинах преступности в СССР / И. И. Карпец // Советское государство и право. — 1966. — № 4. — С. 82—84.
9. Мамяченков В. Н. Потребление алкоголя как элемент повседневной жизни населения Свердловской области в 1946—1991 годах / В. Н. Мамяченков // Вестник Челябинского государственного университета. История. — 2011. — Вып. 47. — № 23 (238). — С. 158—163.
10. Мамяченков В. Н. «Преступность среди работников милиции чрезвычайно высока»: моральное состояние и служебная дисциплина работников органов внутренних дел Свердловской области в 1946 — начале 1947 гг. / В. Н. Мамяченков // Научный диалог. — 2016. — № 6 (54). — С. 196—211.
11. Министерство здравоохранения Российской Федерации [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <https://www.rosminzdrav.ru/news/2016/08/26/3128-prikazom-minzdrava-rossii-utverzhdeny-rekomendatsii-po-ratsionalnym-normam-potrebleniya-pischevyh-produktov>.
12. Недосекин, Виктор Иванович [Электронный ресурс] // Википедия. — Режим доступа : https://ru.wikipedia.org/wiki/Недосекин,_Виктор_Иванович.
13. Самарин В. А. Борьба с бандитизмом в Ленинграде во второй половине 40-х годов : исторический аспект : диссертация ... кандидата исторических наук / В. А. Самарин. — Санкт-Петербург, 2001. — 233 с.
14. Сахаров А. Б. О концепции причин преступности в социалистическом обществе / А. Б. Сахаров // Советское государство и право. — 1976. — № 9. — С. 27—29.
15. Сизов С. Г. Преступность в Омске в первые послевоенные годы [Электронный ресурс] / С. Г. Сизов. — 2013. — Режим доступа : <http://www.proza.ru/2013/12/18/763>.
16. Center-Bereg : юридический портал [Электронный ресурс] // Правовой центр Правый берег : сайт. — Режим доступа : <http://www.center-bereg.ru/j360.html>.

**“Nobody Wants to Help the Police”:
Struggle of Law Enforcement with Bullying and Crimes
against the Person in the Second Half of 1940s and early 1950s
(on Materials of Sverdlovsk Region)**

© Мамыachenkov Vladimir Nikolayevich (2016), Doctor of History, associate professor of Department of Theory of Management and Innovations, Institute of Public Administration

and Entrepreneurship, Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin, professor of Department of State and Municipal Management, Institute of Economics, Ural State University of Economics (Yekaterinburg, Russia), mamychenkov@mail.ru.

The article is devoted to the interesting and little studied topic in the Russian historiography — anti-bullying and struggle with criminality in the middle Urals in the post-war years. The study was conducted on the material of several archives: the archive of Alexander Yakovlev, the State archive of Sverdlovsk region, the archive of Department of the Federal statistics service of in Sverdlovsk region, and the Centre of documentation of public organizations of Sverdlovsk region. Scientific novelty of the work is seen in the fact that the new material discovered by the author in these archives is introduced in scientific usage. It is declared that crime as a social phenomenon was present in Soviet society throughout its history and the Great Patriotic war contributed substantially to its growth. Digital and factual materials are provided, characterizing the level of crime in the middle Urals in the post-war years. An idea is given about the methods and forms of struggle of law enforcement bodies with bullying and crimes against person across the former Soviet Union and in the Sverdlovsk region in the late 1940-ies — early 1950-ies. It is argued that its growth during this period was inevitable and caused by concrete reasons, the main of which was the low standard of living and consumer culture of the majority of citizens.

Key words: bullying; crimes against person; Sverdlovsk oblast; law enforcement.

Material resources

Arkhiv Aleksandra N. Yakovleva. Available at: <http://www.alexanderyakovlev.org/fond/issues-doc/1009310/>. (In Russ.).

GASO — *Gosudarstvennyy arkhiv Sverdlovskoy oblasti. (Oblastupravleniye)*. (In Russ.).
Tekushchiy arkhiv Territorialnogo organa Federalnoy sluzhby gosudarstvennoy statistiki (TOFGSSO). Dinamicheskiye ryady po rabochim promyshlennosti 1952—1968. (In Russ.).

TsDOOSO — *Tsentr dokumentatsii obshchestvennykh organizatsiy Sverdlovskoy oblasti*. (In Russ.).

References

- Berkutov, A. S. 2004. *Bor'ba s ugovnoy prestupnostyu v Molotovskoy oblasti v poslevoennyye gody: 1945—1953: dissertatsiya ... kandidata yuridicheskikh nauk*. Perm. (In Russ.).
- Burde, D. 2000. *Bor'ba s banditizmom v SSSR v 1944—1953 gg.* In: *Sotsialnaya istoriya. Ezhegodnik*. Moskva: IRI RAN. 169—190. (In Russ.).
- Center-Bereg: *yuridicheskiy portal*. Available at: <http://www.center-bereg.ru/j360.html>. (In Russ.).
- Drabkin, A. V. 2013. *Na voyne, kak na voyne*. Moskva: Yauza-Eksmo. (In Russ.).
- Ivanov, V. A. 1995. *Kadrovoye obespecheniye sovetskoy karatelnoy politiki 30—50-e gg.: sushchnost i posledstviya. Gosudarstvo i pravo*, 2: 143—144. (In Russ.).
- Karpets, I. I. 1966. *O prirode i prichinakh prestupnosti v SSSR. Sovetskoye gosudarstvo i pravo*, 4: 82—84. (In Russ.).

- Mamyachenkov, V. N. 2011. Potrebleniye alkogolya kak element povsednevnoy zhizni naseleniya Sverdlovskoy oblasti v 1946—1991 godakh. *Vestnik ChelGU. Istoriya*. 23 (238): 158—163. (In Russ.).
- Mamyachenkov, V. N. 2016. «Prestupnost' sredi rabotnikov militsii chrezvychayno vysoka»: moralnoe sostoyanie i sluzhebnyaya disiplina rabotnikov organov vnutrennikh del Sverdlovskoy oblasti v 1946 — nachale 1947 gg. [“Crime among Police Officers is Extremely High”: Morale and Discipline of Employees of Internal Affairs Bodies in Sverdlovsk Region in 1946 — Early 1947]. *Nauchnyy dialog*, 6 (54): 196—211. (In Russ.).
- Ministerstvo zdavookhraneniya Rossiyskoy Federatsii. Available at: <https://www.minzdrav.ru/news/2016/08/26/3128-prikazom-minzdrava-rossii-utverzhdeny-rekomendatsii-po-ratsionalnym-normam-potrebleniya-pischevyh-produktov>. (In Russ.).
- Nedosekin, Viktor Ivanovich. In: *Vikipediya. Svobodnaya entsiklopediya*. Available at: https://ru.wikipedia.org/wiki/Nedosekin,_Viktor_Ivanovich. (In Russ.).
- Sakharov, A. B. 1976. O kontseptsii prichin prestupnosti v sotsialisticheskom obshchestve. *Sovetskoye gosudarstvo i pravo*, 9: 27—29. (In Russ.).
- Samarin, V. A. 2001. *Bor'ba s banditizmom v Leningrade vo vtoroy polovine 40-kh godov: istoricheskiy aspekt*: dissertatsiya kandidata istoricheskikh nauk. Sankt-Peterburg. (In Russ.).
- Sizov, S. G. 2013. *Prestupnost' v Omske v pervye poslevoennyye gody*. Available at: <http://www.proza.ru/2013/12/18/763>. (In Russ.).
- Vse o prestupnosti i kriminala*. Available at: <http://all-crime.ru/urals-crimes/mu-protiv-militia.htm>. (In Russ.).
- Zharkoy, M. E. 1995. *Militsiya Leningrada v poslevoenny period (1945—1956 gg.)*. *Istoricheskie uroki organizatsii i deyatelnosti*: dissertatsiya kandidata istoricheskikh nauk. Sankt-Peterburg. (In Russ.).
- Zima, V. F. 1996. *Golod v SSSR 1946—1947 gg.: proiskhozhdeniye i posledstviya*. Moskva: IRI RAN. (In Russ.).